

Первая биография Д.П. Святополк-Мирского на родине

Представлена рецензия на книгу известного отечественного исследователя литературы и культуры российского зарубежья М.В. Ефимова и старейшего английского русиста Д. Смита «Святополк-Мирский» (М.: Молодая гвардия, 2021). Опираясь на российскую и европейскую традиции биографических исследований и используя историко-литературные, культурологические и текстологические подходы, авторы впервые в России осуществили полномасштабную реконструкцию биографии одной из самых заметных фигур эмиграции первой волны. Использованы впервые введенные в научный оборот архивные материалы, свидетельства и воспоминания современников, малодоступная английская и эмигрантская периодика, что позволило осветить основные события жизни и творчества князя Д.П. Святополк-Мирского. Характерный для биографов интерес к внутреннему миру и психологии поступков героя сочетается с тонким филологическим анализом его литературно-критических и литературоведческих работ. При этом очевидная симпатия к герою не помешала авторам сохранить исследовательскую объективность, что обеспечило достоверность и убедительность сделанных ими выводов. По мнению рецензентов, книга является событием в отечественном литературоведении, политической и культурной истории России и российского зарубежья.

Ключевые слова: жизнеописание, биографическая реконструкция, Д.П. Святополк-Мирский, литературоведение и литературная критика, литература российского зарубежья, советская литература.

A review of the book "Svyatopolk-Mirsky" (Moscow, 2021) by a well-known researcher of Russian émigré literature and culture M.V. Efimov and the oldest English expert of Russian literary studies G. Smith is presented. The authors based their research on the Russian and European tradition of biographical studies and used the methods of literary history and sociocultural theory. The book is the first full-scale reconstruction of prince D.P. Svyatopolk-Mirsky's biography in Russia. The authors widely used archival materials, testimonies and memoirs of contemporaries, hardly accessible English and émigré periodicals, which enable them to present the main events of Mirsky's life and work. The biographers' interest to the inner world and psychology of the hero's acts is combined with a subtle philological analysis of his literary studies and critical essays. At the same time, the obvious sympathy for the hero did not prevent the authors from maintaining a research objectivity, which ensured the credibility and persuasiveness of their conclusions. According to the reviewers, the book is an event in national literary studies, political and cultural history of Russia and Russian emigration.

Keywords: biography, biographical reconstruction, D.P. Svyatopolk-Mirsky, literary studies and criticism, Russian émigré literature, Soviet literature.

Авторы рецензируемой книги хорошо известны российскому литературоведению. Это старейший английский русист профессор Д. Смит, автор многочисленных работ о русской поэзии, литературе Серебряного века и эмиграции, и М.В. Ефимов, авторитетный исследователь литературы и культуры российского зарубежья. Их многолетняя работа с наследием Д.С. Святополк-Мирского позволила в последнее десятилетие представить англоязычному и российскому академическому сообществу крупнейшего литературного критика российского зарубежья [1; 9] и вернуть современному читателю в течение длительного времени остававшиеся неизвестными работы [2]. В рецензируемой книге жизнь enfant terrible эмигрантской критики первой волны, советского литературоведа и критика в 1930-е гг. впервые предстает перед отечественным читателем в подробностях. Скажем сразу: авторам удалось создать в рамках научно-популярного проекта полномасштабную научную биографию, что делает книгу несомненным событием и в отечественном литературоведении, и в интеллектуальной российской истории в целом. Подчеркнем особую роль М.В. Ефимова, взявшего на себя труд создания на основе индивидуальных и совместных с Д. Смитом исследований единого русского текста.

Род Святополк-Мирских связан с историей России с древнейших времен. В первую очередь речь идет о легендарном пращуре — том самом киевском князе Святополке Окаянном, ассоциация с именованием которого не раз возникала по отношению к потомкам: так Мирского-отца за глаза называли Николай II и великий князь Сергей (с. 40)¹, а Мирского-сына — М. Горький (с. 8–9).

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы рецензируемого издания.

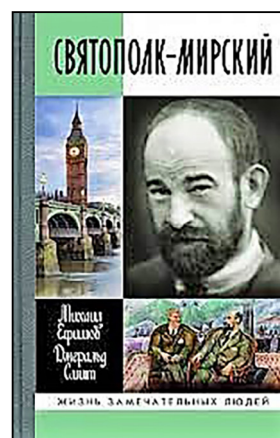
Исследователи закономерно открывают книгу историей рода, и здесь не остается места для красивых летописных преданий. Изучение фамильных книг польского дворянства позволяет им с говорить о сомнительности связи Мирских с Рюриковичами, хотя легенда о «царе Диме» (Ю.К. Олеша) надолго переживет ее героя. В бурные первые десятилетия XIX в. прадед-авантюрист добился подтверждения прав захудалого шляхетского рода Мирских на польский княжеский титул, а в 1861 г. Александр II, учитывая военные и государственные заслуги, даровал братьям Дмитрию и Николаю и их отцу право «с их потомством именоваться в России князьями, без предъявления документов на сей титул, утраченных во время Польского мятежа 1831 г.» (с. 13). Отец героя Петр Дмитриевич занимает высокие государственные должности — от генерал-губернатора до начальника корпуса жандармов, а затем министра внутренних дел; по матери, урожденной графине Бобринской, Дмитрий Петрович прямой потомок Екатерины II, отпрыск одного из самых знатных и влиятельных родов Российской империи. Врожденный аристократизм, как подчеркивают авторы книги, с ранней юности определял независимость характера и внутреннюю свободу героя, в том числе и в литературных оценках.

Типичное начало жизни: счастливое детство в орловском имении, англофильство отца и прекрасное домашнее образование. Знание с детства английского языка сыграет решающую роль в лондонском обустройстве молодого эмигранта. Неординарность юноши поражала многочисленных гостей отца, в том числе иностранцев. Так, английский журналист Б. Берс вспоминал слова 17-летнего гимназиста, «уже знакомого с литературой на семи языках и, более того, пишущего стихи по-английски и по-русски»: «Мы, русские, через пятьдесят лет будем краснеть от стыда при мысли, что столь восхищались Толстым, когда в то же время у нас был такой гений, как Достоевский, которому Толстой не достоин развязать ремня на обуви его» (с. 18).

Незадавшаяся министерская карьера отца, либеральные взгляды которого не нашли понимания у Николая II, во многом определила отношение сына к царской семье и самодержавию. Авторы не утверждают, что именно здесь кроются причины позднейших симпатий Мирского к Ленину, Советской России и мировому коммунизму, однако крайне скептическое восприятие им Романовых и царского режима в целом очевидно.

Юноша поступает в 1-ю Петербургскую гимназию, в старших классах знакомится с А.А. Блоком, М.А. Кузминым и другими важнейшими фигурами Серебряного века. Эта часть истории вполне типична. Гимназисты решают поставить блоковский «Балаганчик», и подготовка школьного спектакля, так и не состоявшегося, приводит к тому, что Святополк-Мирский становится персонажем писем и дневников мэтров символизма, а общение с ними окончательно определяет, надо полагать, вектор его литературных увлечений на ближайшие годы. В 1911 г. он выпускает 76-страничную книжку «Стихотворения», которая была с симпатией упомянута в рецензии Н. Гумилева. Сохраняя объективность, биографы подчеркивают: «Мирский был, в известном смысле, лучше многих новичков — просто в силу того, что неплохо ориентировался в классической и современной поэзии, и русской, и европейской» (с. 106).

Поэтическая стезя не стала определяющей в жизни выпускника: выбор между кавалерийским училищем и университетом был решен в пользу последнего, и он становится студентом Восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. В те годы Святополк-Мирский всерьез увлечен филологией, посещает знаменитый Пушкинский семинар С.А. Венгерова,

Святополк-Мирский / Михаил Ефимов, Джеральд Смит. — Москва : Молодая гвардия, 2021. — 702[2] с. : ил. — (Жизнь замечательных людей : сер. биогр. ; вып. 1825).
Svyatopolk-Mirsky / Mikhail Efimov, Gerald Smith. — Moscow : Molodaya gvardiya, 2021. — 702[2] p. : il. — (Zhizn' zamechatel'nykh liudei : Ser. biogr. ; Iss. 1825).
ISBN 978-5-235-04361-9

однако осенью 1911 г. оставляет университет и поступает в лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской Фамилии полк. Ни период военной службы, ни последовавший за ним период войны подробностями не изобилуют. И в этом виноваты не биографы, но понятное стечение обстоятельств: отсутствие документов, небольшое количество свидетельств современников и крайняя скупость показаний Мирского в НКВД в 1937 г. Но нет сомнений, что молодой гвардейский офицер был личностью героической, о чем говорят боевые ордена и полученные ранения.

После госпиталя Святополк-Мирский был переведен на турецкий фронт, под Эрзерум, и здесь события военные почти рифмуются с событиями историко-литературными. Его «путешествие в Арзрум» едва не закончилось трагедией: он чудом избежал гибели в начале 1918 г., когда большую часть офицеров полка, оставивших фронт в соответствии с советско-турецкими договоренностями и направлявшихся в Россию, утопили в Новороссийске революционные матросы. Дальнейший путь героя закономерен: Добровольческая армия, участие в боевых действиях, подробностей которых тоже немного. На допросах в НКВД Святополк-Мирский говорил только о своей штабной работе, но приводимые биографами факты свидетельствуют о его непосредственном участии в боях. Впрочем, в чинах он так и не поднялся, закончив Гражданскую войну все в том же капитанском звании, и в 1920 г. оказался в лагере для интернированных в Польше; в Крым к П.Н. Врангелю не отправился, но предпочел перебраться к одному из влиятельных польских родственников, а затем воссоединился с матерью в Греции, и началась жизнь на чужбине.

*Т*алант, работоспособность и везение — вот, как полагают авторы, триединая формула, лежащая в основе карьеры Святополк-Мирского в Англии. Должность лектора по русской литературе в Школе славянских исследований Королевского колледжа в Лондоне (King's College) — это очень немало на фоне непростой ситуации для русской эмиграции в Великобритании. Положение молодого эмигранта, подчеркивают Д. Смит и М.В. Ефимов, почти уникально: английской аудитории он открывает русскую литературу, русскую эмиграцию знакомит с литературой английской. В течение десяти лет Святополк-Мирский остается одной из самых ярких фигур и в английском литературном мире, где общается с Т.С. Элиотом, Д.Г. Лоуренсом, О. Хаксли, В. и Л. Вулфами, Р. Олдингтоном, и в мире английской русистики — как автор книг, посвященных истории русской литературы и современной русской словесности [3–6]. Конструктивные отношения с русской эмиграцией в Европе (по крайней мере, до 1926 г., когда началась заметная радикализация политических и литературных взглядов героя), как показывают авторы, позволяют ему публиковаться и в ведущем эмигрантском журнале «Современные записки», и в английской периодике, в том числе в хорошо известном научном журнале Школы славянских исследований *Slavonic Review*.

*Б*иографы прослеживают, как со временем меняется положение Мирского в русской литературной и политической эмиграции. В первой половине 1920-х он не примыкает ни к одной из литературных группировок; ему близки молодая эмигрантская поэзия, прежде всего Марина Цветаева, журнал «Благонамеренный», пражская «Воля России». Но все заметнее неподдельный интерес к новой советской литературе, о которой он много и охотно пишет. Независимость и резкость суждений, акцентированная оригинальность позиции проявились уже в антологии русской поэзии, изданной им в 1923 г. и вызвавшей не просто настороженность, но активное неприятие со стороны эмигрантских критиков. Служба в Школе славянских исследований, гонорары от английских изданий и публикаций обеспечивают его финансово и позволяют оказывать помощь многим соотечественникам, включая Марину Цветаеву, которой до начала 1930-х он из собственных средств выплачивает «пенсион», причем делает это до последней возможности, пока, лишившись жалования в King's College, сам не оказывается весьма стесненным в средствах.

Исследователи обоснованно полагают, что литературная деятельность до конца не удовлетворяет Мирского. Государственник по семейным традициям, он хорошо видит всю ограниченность эмигрантского сообщества, а претензии потомственного аристократа к погубившей Россию интеллигенции приводят к сближению с евразийским движением и постепенной переоценке

отношения к Советской России. О том, что Мирский ощущал специфичность своего положения среди евразийцев, свидетельствует приводимое авторами книги письмо П.П. Сувчинскому:

Совестно сознаться, но Евразийство мое было, в сущности, явлением преходящим, выросшим на чисто эмоциональной почве оскорбленного эмигрантского самолюбия. <...> Был бы, конечно, рад впоследствии писать для Вас, если Вы примете человека настолько несерьезного, что бывает евразийцем в четные и европейцем в нечетные годы (с. 214).

Эта мнимая «несерьезность» идеологической позиции не мешает ему активно участвовать в евразийских проектах — журнале «Версты» и еженедельнике «Евразия», от чего остается один шаг до смены политического курса и принятия СССР и коммунизма.

С 1928 г. начинается диалог Святополк-Мирского с М. Горьким. Становятся все интенсивнее контакты с советскими писателями и деятелями культуры, появляющимися в Европе, с советскими функционерами: Г.Л. Пятаковым в Париже, Г.Я. Сокольниковым в Лондоне; в этом списке и давний знакомый М.М. Литвинов, жена которого, А. Лоу, дала Мирскому остроумное прозвище «товарищ князь» (с. 169). Авторы детально восстанавливают путь героя от «светлейшего князя» до «товарища», а затем и «гражданина Мирского». Они не задаются вопросом, сколько к тому времени в окружении Мирского агентов ГПУ, но совершенно очевидно, что их немало, включая С.Я. Эфрона и неизбывную любовь героя В.А. Гучкову-Сувчинскую. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Мирский уже активный пропагандист успехов СССР, и не только в литературе. Подчеркнем, что авторы не ставят под сомнение искренность его новой позиции: подтверждение тому они видят и в его книге о Ленине [7], и во вступлении в Коммунистическую партию Великобритании в 1931 г. Следующий шаг — получение советского гражданства и возвращение на родину в 1932 г.

К сожалению, последние годы жизни Святополк-Мирского в Англии описаны в биографии довольно скупо. Несмотря на воспоминания современников (от русских эмигрантов до английских интеллектуалов), достоверных документов не так много. Скорее всего, его решительный уход из Школы славянских исследований был продиктован уже имевшимися планами на новую жизнь, судя по всему связанными не только с возвращением на родину. Авторы цитируют письмо В.В. Набокова преемнику героя на должности лектора в Школе Г.П. Струве, в котором писатель делился ходившими в эмигрантской среде слухами о том, что Мирский с И.Э. Бабелем по инициативе М. Горького должны организовать в Париже международный просоветский журнал (с. 539). Кажется, герой действительно верил в возможность своей политической карьеры в СССР в руководящих органах международного коммунистического движения, благо подобного рода организаций, от МОПР до ассоциации писателей и прочих представителей западной «интеллигентсии» [8], борющихся за мир, более чем достаточно. Но, как замечают биографы, таких возможностей и к 1936 г. бывшему князю никто не предоставил:

...план, ради которого Мирским все только и затевалось, «быть работником ленинизма» ради «всеобщей социальной революции» (то, о чем Мирский писал Горькому в 1930 г.), рухнул в самом начале после приезда в СССР. Его привлекли к переводам Ленина на английский на полгода. И всё. На этом практический ленинизм и закончился, так и не начавшись (с. 547).

Страницы, посвященные советскому периоду жизни героя, можно назвать трагическими: ему разрешено было заниматься литературоведением и литературной критикой, но не более того. В литературном окружении М. Горького «красный князь» (А. Цветков) Мирский вполне соотносится с «красным графом» А.Н. Толстым: Мирский — активный участник писательской делегации на Беломорканал, один из ближайших сподвижников редактора журнала «На литературном посту» Л.Л. Авербаха, автор газетных выступлений, срывающих маски с врагов народа, литературный критик, освоивший штампы вульгарного социологизма. Но и в этих условиях он не теряет профессионализма: его наблюдения точны, филологическая интуиция на высоте, но демонстрировать эту сторону таланта ему доводилось все реже. Пребывание под крылом М. Горького еще оставляет какую-то степень свободы, и он может позволить себе написать о недостатках не только романов бывших английских знакомцев, но и «Последнего из удэге» А.А. Фадеева.

Смерть М. Горького — это начало предсказуемого финала. Обличения со стороны коллег по цеху, донос И.В. Сталину партийного и литературного функционера, редактора «Известий» И.М. Гронского, белогвардейское и эмигрантское прошлое, знакомства с иностранцами, врагами народа и вредителями и, наконец, обвинения в соотрудничестве с британской разведкой становятся основанием для ареста «замаскировавшегося врага». Приговор суда был относительно мягок: «Мирского (Святополк-Мирский) Дмитрия Петровича — по подозрению в шпионаже заключить в исправтрудлагерь сроком на ВОСЕМЬ лет, считая срок со 2/VI—37 г.» (с. 630). Но он стал смертельным: не дожив до 50 лет, «Мирский скончался в отдельном лагпункте “Инвалидный” 6 июня 1939 года после полутора лет в лагере» (с. 633).

В заключение отметим, что среди несомненных достоинств рецензируемой книги одним из важнейших является многолетняя увлеченность авторов судьбой героя. Еще в 1970-х гг. Д. Смит смог проинтервьюировать живых участников событий, включая П.П. Сувчинского и его бывшую жену. При этом глубокая внутренняя симпатия к герою не помешала авторам сохранить исследовательскую объективность: они избежали характерной для многих биографий тяги к агиографичности, малообоснованным гипотезам и литературным фантазиям, оттого построенное на строго документированной основе жизнеописание Д.П. Святополк-Мирского особенно убедительно. Нет сомнений, что книга М.В. Ефимова и Д. Смита вносит серьезный вклад в современные представления о литературной и политической жизни российской эмиграции 1920–1930-х гг. и дополняет новыми деталями картину советской литературной жизни 1930-х. Литературный талант и высокий филологический профессионализм, уникальный опыт архивной работы позволили авторам соединить безупречную научную реконструкцию жизни и творчества своего героя с интересным для самого широкого круга читателей повествованием о его трагической судьбе. Это безусловная удача не только серии «Жизнь замечательных людей», но и отечественного и британского литературоведения.

Литература/References

1. Ефимов М.В. D.S.M. / Д.П. Святополк-Мирский. Годы эмиграции, 1920–1932. СПб.: Нестор-История, 2019. *Efimov M.V. D.S.M. / D.P. Sviatopolk-Mirsky. Gody emigratsii, 1920–1932. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2019.*
2. Мирский Д. О литературе и искусстве: статьи и рецензии, 1922–1937 / сост. О.А. Коростелев, М.В. Ефимов; вступ. ст. Д. Смита. М.: Новое литературное обозрение, 2014. *Mirsky D. O literature i iskusstve: stat'i i retsenzii, 1922–1937 / sost. O.A. Korostelev, M.V. Efimov; vstup. st. D. Smita. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.*
3. *Mirsky D.S. Modern Russian literature. London: Oxford University Press: Humphrey Milford, 1925.*
4. *Mirsky D.S. Contemporary Russian literature: 1881–1925. London: George Routledge; New York: Alfred Knopf, 1926.*
5. *Mirsky D.S. Pushkin. London: George Routledge; New York: E.P. Dutton, 1926.*
6. *Mirsky D.S. A history of Russian literature from the earliest times to the death of Dostoyevsky (1881). London: George Routledge; New York: Alfred Knopf, 1927.*
7. *Mirsky D.S. Lenin. Boston: Little, Brown & Co., 1931.*
8. Мирский Д. Интеллигентсия. М.: Советская литература, 1934. *Mirsky D. Intellidzhentsiia. Moscow: Sovetskaia literatura, 1934.*
9. *Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English life, 1890–1939. Oxford: Oxford University Press, 2000.*

Осовский Олег Ефимович,
доктор филологических наук,
профессор,
главный научный сотрудник
Мордовский государственный
педагогический университет
им. М.Е. Евсевьева

Osovskii Oleg E.,
Doctor of Philology, Professor,
Chief Researcher
Evseviev Mordovian State
Pedagogical University

e-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

Киржаева Вера Петровна,
доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева

Kirzhaeva Vera P.,
Doctor of Pedagogy,
Associate Professor,
Professor of the Russian Language
Department
Ogarev Mordovian State University

e-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

